

УДК 327

DOI: 10.31857/S268667300008242-6

Новая российско-американская гонка ядерных вооружений

В.И. Батюк

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Российская Федерация, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1838-8616>

e-mail: ctas@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 08.12.2019.

Резюме: Гонка ядерных вооружений между Москвой и Вашингтоном возобновилась. При этом ядерное противостояние двух ядерных «сверхдержав» происходит в условиях, которые представляются гораздо более опасными и дестабилизирующими, чем в годы холодной войны 1945–1989 гг. В состоянии глубокого кризиса находится контроль над ядерными вооружениями; отсутствует российско-американский диалог по проблемам стратегической стабильности; появились новые средства доставки ядерных боеприпасов – в том числе и межконтинентальной дальности, а также неядерные вооружения, способные выполнять некоторые стратегические задачи; на глобальный ядерный баланс всё большее влияние оказывают другие ядерные державы, в том числе и необъявленные ядерные государства. Все эти перемены представляются крайне дестабилизирующими и опасными.

Ключевые слова: Стратегическая стабильность, ядерные вооружения, противоракетная оборона, системы доставки ядерного оружия, контроль над вооружениями.

Для цитирования: Батюк В.И. Новая российско-американская гонка ядерных вооружений. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2020;50(2): 78-96. DOI: 10.31857/S268667300008242-6

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Военная стратегия США при администрации Д. Трампа и национальные интересы Российской Федерации» № 18-014-00006/1

New U.S.-Russian Nuclear Arms Race

Vladimir I. Batyuk

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebny pereulok, Moscow 121069, Russian Federation.

National Research University – Higher School of Economics.

17/1, Malaya Ordynka St., Moscow, 119017, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1838-8616>

e-mail: ctas@inbox.ru

Received 08.12.2019.

Abstract: The nuclear arms race between Moscow and Washington has resumed. At the same time, the nuclear confrontation between the two nuclear "superpowers" takes place under

the conditions which seems much more dangerous and destabilizing than those during the Cold War of 1945-1989. The nuclear arms control is in a deep crisis; there is no Russian-American dialogue on strategic stability issues; new means of delivery of nuclear munitions – including those with the intercontinental range, as well as non-nuclear weapons capable of performing some strategic tasks-have emerged; the global nuclear balance is increasingly influenced by other nuclear powers, including undeclared nuclear States. All these changes seem extremely destabilizing and dangerous.

Keywords: Strategic stability, nuclear weapons, missile defense, nuclear weapons delivery systems, arms control.

For citation: Batyuk V.I. New US-Russian Nuclear Arms Race. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2020;50(2): 78-96. DOI: 10.31857/S268667300008242-6

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Fundamental Studies, the project is titled "The U.S. Military Strategy under the Trump's Administration, and the National Interests of the Russian Federation". Project's number is 18-014-00006 / 1

НОВАЯ ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ

В российско-американские отношения вернулась гонка ядерных вооружений. И Москва, и Вашингтон ведут интенсивные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), направленные на создание новых стратегических и достратегических средств доставки ядерных боезарядов. Идёт модернизация и самих ядерных боеприпасов. Обе стороны вкладывают огромные средства в развитие систем противоракетной обороны, а также в космические вооружения.

Большинство экспертов в области контроля над вооружениями полагают, что переломным моментом стал выход Соединённых Штатов из Договора по ПРО (в 2002 г.), который на протяжении нескольких десятилетий справедливо рассматривался в качестве краеугольного камня всей системы контроля над вооружениями. В качестве ответной меры российская сторона отказалась от ратификации Договора СНВ-2 [Десять лет без Договора по ПРО., 2012]; [1].

Непосредственным следствием выхода США из Договора по ПРО стало развертывание противоракет типа *GBI*, способных перехватывать стратегические боеголовки. Именно эти системы должны были стать, по замыслу официального Вашингтона, наряду с системами ПРО ТВД «ТХААД» и «Пэтриот» (*ТНААД* и *Patriot*) и системами ПРО морского базирования «Иджис» (*Aegis*), основой глобальной системы противоракетной обороны Соединённых Штатов. Особую озабоченность у российской стороны вызвали намерения официального Вашингтона разместить элементы американской системы ПРО в Европе [2].

Планы официального Вашингтона создать глобальную ПРО хронологически совпали с намерением по-новому сформулировать понятие «Стратегическая

триада США». Обзор ядерной политики Соединённых Штатов 2001 г. давал следующее определение этого понятия:

- стратегические наступательные вооружения, как ядерные, так и неядерные, и системы командования и боевого управления;
- активная и пассивная система стратегической обороны, включая системы управления ПРО и ПВО;
- научно-технический и индустриальный потенциал для разработки, производства и поддержания в боеготовом состоянии наступательных и оборонительных систем [3].

Такое понимание стратегической триады предполагает наличие планов интегрированного применения стратегических наступательных (в том числе неядерных) и стратегических оборонительных вооружений с целью достижения победы при любом сценарии вооружённого конфликта. Следует отметить в этой связи, что на рубеже 1990–2000-х годов США и их союзники обладали огромным превосходством в высокоточных вооружениях большой дальности, способных вывести из строя незащищённые объекты стратегических ядерных сил (Системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), лёгкие надземные укрытия мобильных пусковых установок МБР, подводные лодки-ракетоносцы у пирсов и тяжёлые бомбардировщики на аэродромах, а также пункты связи и управления космическими аппаратами) [Арбатов А.Г., 2018: 25].

Таким образом, американская сторона стала инициатором нового витка гонки вооружений, пытаясь воспользоваться «моментом однополярности» после окончания холодной войны для достижения абсолютного военного превосходства в отношении всех имеющихся и потенциальных противников США. Следует отметить, что неоднократные попытки российской стороны наладить конструктивный диалог по проблемам противоракетной обороны с Соединёнными Штатами и в 1990-е годы, и в начале 2000-х годов закончились полным крахом.

Так, российско-американское Соглашение о разграничении систем стратегической и нестратегической ПРО 1997 г. так и не было ратифицировано Конгрессом США. Между тем это соглашение российская сторона рассматривала как способ спасти Договор по ПРО [Колтунов В.С., 2012: 78–79].

Американская сторона отказалась сотрудничать с Москвой и в создании совместной системы ПРО, которая могла бы перехватывать запущенные в Иране баллистические ракеты, нацеленные на Европу. Вашингтон предпочёл пойти на развёртывание систем предупреждения о ракетном нападении и противоракет на территории восточноевропейских стран НАТО, что, в свою очередь, было воспринято российской стороной как угроза российскому потенциалу ответного удара. Вместо серьёзных переговоров с Россией по вопросу о базировании американских противоракет в Европе США и НАТО ограничились заявлениями о

том, что американские и натовские планы развёртывания систем ПРО якобы не являются угрозой для России [Литовкин В.Н., 2012: 164–170].

Нельзя не отметить, что после окончания холодной войны заинтересованность Вашингтона в ведении диалога с Москвой по контролю над вооружениями существенно ослабла. Уже при администрации У. Клинтона разоруженческие аспекты двусторонних отношений начали утрачивать свою ведущую роль. На наш взгляд, объясняется это тем, что, в отличие от периода холодной войны, российская и американская элиты придерживаются различных и во многом несовпадающих взглядов на природу ядерной угрозы.

В эпоху биполярной конфронтации руководство обеих ядерных «супердержав» исходило из того, что главная угроза выживанию их государств (и всего человечества) заключается в массированном применении американского и советского стратегического ядерного оружия в результате ошибки и/или неконтролируемой эскалации регионального конфликта. При этом и в Москве, и в Вашингтоне исходили из наличия достаточно прочного и устойчивого советско-американского стратегического паритета.

И после окончания холодной войны значительная часть российского военно-политического истеблишмента продолжала рассматривать американские стратегические ядерные силы как главную угрозу Российской Федерации, по привычке соизмеряя ядерный потенциал своей страны с аналогичными возможностями другой «сверхдержавы», исходя при этом из того, что ситуация взаимного ядерного сдерживания (пусть на существенно более низком уровне) сократится в любом обозримом будущем. Российская сторона вынуждена реагировать на те нововведения в американской ядерной стратегии, которые появились в последние несколько лет, будь то планы создания общенациональной системы ПРО, разработка сверхмалых высокоточных ядерных боеприпасов или развитие американских неядерных высокоточных систем большой дальности.

В Соединённых Штатах на протяжении 1990-х и в начале 2000-х годов полагали, что ядерная угроза, которая исходит со стороны России, объясняется не столько мощью российского ядерного комплекса, сколько его слабостью. Собственно, ещё в конце 1997 г. в Вашингтоне пришли к выводу о том, что деградация российских стратегических ядерных сил (СЯС) стала необратимой, и Россия более не в состоянии вести ядерную войну против США и их союзников. В официальном Вашингтоне на рубеже 1990–2000-х годов доминировала точка зрения, что Америке следует опасаться не столько прихода к власти в Москве авторитарного, враждебного Западу диктатора, который возродит СЯС России, сколько неконтролируемого распада российского ядерного комплекса, в результате чего материалы и технологии двойного назначения, и даже образцы ядерного оружия, могли бы попасть в руки «государств-изгоев» (*rogue states*) или террористических группировок.

Решать эту проблему американская сторона предполагала не в рамках диалога с Москвой, а в ходе реализации программы Нанна – Лугара. Поскольку программа эта осуществлялась в 1990-х и в начале 2000-х годов при американском финансовом и технологическом содействии, Россия, с точки зрения американской элиты, не являлась и не могла стать равноправным партнёром Соединённых Штатов в деле снижения ядерной угрозы.

Так, дебаты в США в ходе президентской избирательной кампании 2004 г. показали, что как администрация Дж. Буша-младшего, так и её оппоненты из Демократической партии были едины в том, что российские ядерные материалы, устройства и технологии могут представлять реальную опасность Соединённым Штатам лишь в том случае, если в результате «всепроникающей российской коррупции» они попадут в руки врагов Америки [4; 5].

РОССИЙСКИЙ ОТВЕТ

Неудивительно, что планы официального Вашингтона по созданию общенациональной системы ПРО вызвали серьёзную озабоченность у российской стороны. Хотя официальная реакция России на выход США из Договора по ПРО была достаточно сдержанной, Москва, в то же время, предприняла решительные меры, чтобы не допустить подрыва сложившегося стратегического баланса. Имеются в виду МБР типа «Ярс» (РС-24) мобильного и шахтного базирования с разделяющейся головной частью. Развёртывание этих систем осуществляется с конца 2009 года.

Речь идёт также о новейших российских стратегических системах, разработка которых началась после выхода Соединённых Штатов из Договора по ПРО и о которых президент РФ В.В. Путин объявил в своём послании Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 года. «Мы долго уговаривали американцев не разрушать Договор по ПРО, не нарушать стратегического баланса, – отметил в своём выступлении российский лидер. – Всё тщетно. В 2002 г. США в одностороннем порядке вышли из этого договора. Но даже после этого мы ещё долго пытались наладить с ними конструктивный диалог. Предлагали для снятия озабоченности и сохранения атмосферы доверия наладить совместную работу в этой области. В какой-то момент мне показалось, что компромисс может быть найден, но нет. Все наши предложения, именно все наши предложения были отклонены. Мы заявили тогда, что будем вынуждены для обеспечения своей собственной безопасности совершенствовать современные ударные комплексы. В ответ нам было сказано: “США создают систему глобальной ПРО не против вас, не против России, а вы делайте что хотите. Будем исходить из того, что это не против нас, не против Соединённых Штатов”» [6].

«Откуда взялась такая позиция, в целом понятно, – отметил В.В. Путин. – Вопрос одно время стоял даже не о том, можем ли мы развивать систему стратегического оружия, некоторые задавались вопросом о том, в состоянии ли

наша страна вообще безопасно содержать и обслуживать ядерное оружие, доставшееся нам после развала СССР. Россия была вся в долгах, без кредитов МВФ и Мирового банка экономика не работала, социальную сферу содержать было невозможно. Видимо, у наших партнёров сложилось устойчивое мнение, что возрождение экономики, промышленности, оборонно-промышленного комплекса и Вооружённых Сил нашей страны до уровня, обеспечивающего необходимый стратегический потенциал, в обозримой исторической перспективе невозможно. А если это так, то нет и никакого смысла считаться с мнением России, нужно идти дальше и добиваться окончательного одностороннего военного преимущества, а затем и диктовать свои условия во всех остальных областях» [6].

Ответом на этот американский вызов, по словам президента РФ, и стали новейшие российские стратегические системы, предназначенные для преодоления самых высоконасыщенных систем ПРО. В этой связи была упомянута тяжёлая МБР шахтного базирования «Сармат», которая должна прийти на смену системе «Воевода». Говоря о возможностях «Сармата», В.В. Путин особо подчеркнул: «При весе свыше 200 тонн она имеет короткий активный участок полёта, что затрудняет её перехват средствами ПРО. Дальность новой тяжёлой ракеты, количество и мощность боевых блоков – больше, чем у “Воеводы”. “Сармат” будет оснащён широким спектром ядерных боеприпасов большой мощности, в том числе гиперзвуковых, и самыми современными системами преодоления ПРО. Высокие характеристики по защищённости пусковых установок и большие энергетические возможности обеспечат применение данного комплекса в любых условиях обстановки... он способен атаковать цели как через Северный, так и через Южный полюс. “Сармат” – это очень грозное оружие, в силу его характеристик никакие, даже перспективные системы ПРО ему не помеха». «Сармат» будет оснащён гиперзвуковыми крылатым манёвренным боевым блоком, что исключает его перехват средствами ПРО [6].

Другие стратегические системы, упомянутые президентом в его послании, также были предназначены для преодоления системы ПРО «потенциального противника». К этим системам относятся и крылатая ракета с ядерной силовой установкой и с практически неограниченным радиусом действия, а также беспилотный подводный аппарат с атомной силовой установкой и с межконтинентальной дальностью [6].

Таким образом, мы видим, как в XXI веке возобновил свою работу такой встроенный механизм гонки вооружений, как «действие-противодействие». Возобновилось и соревнование между стратегическими оборонительными и наступательными системами двух ядерных сверхдержав.

АМЕРИКАНСКИЙ ОТВЕТ НА РОССИЙСКИЙ ОТВЕТ

До недавнего времени в американском военно-политическом руководстве доминировали вышеприведённые взгляды на российский ядерный потенциал, в соответствии с которыми стратегические ядерные силы России находятся в перманентном упадке и могут представлять угрозу безопасности Соединённых Штатов лишь в том случае, если какие-то чувствительные российские технологии попадут в руки «стран-изгоев» или международных террористов. В этом заключается одна из причин снижения роли стратегических ядерных вооружений в стратегии национальной безопасности и военной стратегии США (об этом, в частности, говорилось в Обзоре ядерной политики США 2010 г.) [7].

Серьёзные усилия, предпринятые Россией в последние годы по совершенствованию своих стратегических ядерных вооружений, стали неприятным сюрпризом для официального Вашингтона. Как утверждалось в Обзоре ядерной политики 2018 г., «Россия стремится обеспечить реализацию своей стратегии и доктрины путём всеобъемлющей модернизации своего ядерного арсенала. Российская стратегическая ядерная модернизация позволила увеличить потенциал стратегических средств доставки, а также даёт России возможность быстро наращивать число развёрнутых боеголовок. Помимо модернизации унаследованных от Советского Союза ядерных систем, Россия разрабатывает и развёртывает новые ядерные боеголовки и пусковые установки. Эти усилия включают в себя многократную модернизацию для каждого элемента российской ядерной триады, включая стратегические бомбардировщики, ракеты морского базирования и наземные ракеты. Россия также разрабатывает по меньшей мере две новые системы межконтинентальной дальности – гиперзвуковой глассадный аппарат и новую межконтинентальную автономную торпеду с ядерным вооружением и подводным двигателем» [8].

В документе утверждается также, будто «Россия обладает значительными преимуществами в производстве ядерного оружия и в нестратегических ядерных силах перед США и союзниками. Она также создаёт большой, разнообразный и современный комплекс нестратегических систем, которые обладают двойным потенциалом (могут быть вооружены ядерным или обычным оружием). Эти системы театра военных действий и тактической дальности не поддаются под действие нового договора СНВ, и модернизация нестратегического ядерного оружия России увеличивает общее количество такого оружия в её арсенале, значительно улучшая её возможности доставки» [8].

При этом американская сторона склонна приписывать Москве агрессивные планы нанесения превентивных ядерных ударов в рамках якобы имеющейся у российского военно-политического руководства стратегии «эскалации ради деэскалации» («российская стратегия и доктрина подчёркивают потенциальное принудительное и военное применение ядерного оружия. Она ошибочно пола-

гает, что угроза ядерной эскалации или фактическое первое применение ядерного оружия послужат “деэскалации” конфликта на выгодных для России условиях. Эти ошибочные представления увеличивают вероятность опасных просчётов и эскалации») [8].

В этих условиях, как полагают в Вашингтоне, у Соединённых Штатов нет другого выбора, кроме модернизации своей стратегической ядерной триады. Уже при администрации Б. Обамы американские военные вернулись к традиционному пониманию «триады» – баллистические ракеты на подводных лодках (БРПЛ), межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) и стратегические бомбардировщики [7: iii].

При этом, как полагают составители Обзора ядерной политики 2018 г., нестратегические ядерные силы и средства и системы ядерного командования, контроля и коммуникаций должны «поддерживать» ядерную триаду США: «Синергизм этой триады и дублирование некоторых её функций помогают обеспечить выживаемость наших средств сдерживания в случае нападения и нашу способность угрожать целям противника в условиях кризиса или конфликта» [8: 42].

Конкретно, американская сторона предполагает сохранить боеготовность 14 ПЛАРБ класса «Огайо» (*Ohio*) до тех пор, пока они будут заменены ПЛАРБ следующего поколения – «Колумбия» (*Columbia*) после 2042 г. В рамках программы «Колумбия» будут введены в строй минимум 12 ПЛАРБ, которые заменят существующие подлодки класса «Огайо». БРПЛ класса «Трайидент-2», которыми оснащены ПЛАРБ «Огайо», будут заменены на новые БРПЛ, которыми будут вооружены ПЛАРБ «Колумбия». В Вашингтоне полагают, что эта система обеспечит Соединённым Штатам возможность стратегического сдерживания после 2042 г. [8: 49].

Что касается наземного компонента американской стратегической «триады», то в настоящее время он состоит из 400 ракет «Минитмен-3» (*Minuteman III*) с моноблочной боевой частью, размещённых в шахтных пусковых установках на территории нескольких штатов. Соединённые Штаты приступили к реализации Программы создания системы оружия наземного базирования для обеспечения стратегического сдерживания (*Ground-Based Strategic Deterrent – GBSD*). В рамках этой программы в 2029 г. начнётся замена ракет «Минитмен-3» на более современную ракетную систему [8: 49-50].

Воздушный компонент американской стратегической «триады» состоит из 46 способных нести ядерное оружие стратегических бомбардировщиков *B-52H* и 20 ядерных стратегических бомбардировщиков *B-2A* малой радарной заметности (типа «Стелс»). В Соединённых Штатах начата реализация программы создания и развёртывания бомбардировщика следующего поколения, *B-21 Raider*. В рамках этой программы предусмотрена последующая замена способных нести ядерное оружие и конвенциональных бомбардировщиков, начиная с середины

2020-х годов. *Raider* будет оснащён как гравитационными бомбами, так и крылатыми ракетами нового типа.

Предполагается заменить имеющиеся ныне на вооружении крылатые ракеты *ALCM* (*Air Launch Cruise Missiles*) типа «Томогавк» на более современные системы – крылатые ракеты большой дальности воздушного базирования *LRSO* (*Long Range Standoff*). По оценке американских военных, потенциальные противники Соединённых Штатов в настоящее время разработали достаточно эффективные средства противодействия «Томогавкам». Системы *LRSO*, как полагают в Пентагоне, будут способны прорвать комплексную систему ПВО, что должно обеспечить эффективность воздушного компонента триады в долгосрочной перспективе.

В Пентагоне предполагают сохранить в своих арсеналах и бомбы свободного падения *B83-1* и *B61-11*, которые, как считают американские военные, способны держать под угрозой самые разные защищённые цели. Поэтому оба вида бомб останутся в арсенале, по крайней мере до тех пор, пока в достаточной степени не будет подтверждена эффективность бомбы свободного падения *B61-12*, которая появится на вооружении в 2020 году.

Предполагается, что бомбами типа *B61-12* будут оснащены как стратегические бомбардировщики, так и американские нестратегические ядерные силы передового базирования – истребители-бомбардировщики типа *F-15E* и, в дальнейшем, истребители *F-35* малой радарной заметности.

Анализ Обзора ядерной политики, утверждённого в 2018 г., показывает, что многие оружейные программы администрации Д. Трампа были унаследованы от её предшественницы – администрации Б. Обамы [Wolfsthal J., Lewis J., Quint M., 2014]. В то же время, в отличие от Обзора ядерной политики, принятого при Б. Обаме (в 2010 г.), в Обзоре-2018 нет ни слова о стратегической стабильности как о цели ядерной политики Соединённых Штатов. Напротив, в Обзоре-2018 констатируется «быстрое ухудшение среды безопасности» с того времени, когда был принят Обзор-2010 [8: VI]. Причём, как следует из Обзора-2018, улучшение этой среды за счёт диалога и сотрудничества с другими ядерными державами, включая Россию, не предусматривается: «Соединённые Штаты и Россия в прошлом поддерживали стратегический диалог для управления ядерной конкуренцией и ядерными рисками. С учётом действий России, включая оккупацию Крыма, это конструктивное взаимодействие существенно сократилось» [8: VI].

В качестве ответа на «российскую угрозу» (России, как уже было сказано, приписывается намерение добиться победы в «ограниченной» ядерной войне за счёт применения нестратегических ядерных вооружений) Обзор-2018 предусматривает разработку и создание ядерных вооружений ограниченной мощности [8: XII].

Крайне опасной представляется обозначенная в Обзоре-2018 готовность Соединённых Штатов к нанесению «ограниченного» превентивного ядерного уда-

ра, что не может не вести к повышению вероятности возникновения ядерного конфликта [Хряпин А.Л., 2019: 115].

Озабоченность в связи с наращиванием стратегического ядерного потенциала выражается не только в Обзоре-2018, но и в Обзоре противоракетной обороны, утверждённом министром обороны США в 2019 г.: «Россия и Китай разрабатывают современные крылатые ракеты и гиперзвуковые ракетные комплексы, которые могут перемещаться с исключительной скоростью с непредсказуемыми траекториями полёта, бросая вызов существующим оборонительным системам. Эти сложные реалии... должны приниматься во внимание при выработке политики, стратегии и наращивании возможностей США в области противоракетной обороны» [9]. В качестве ответа на этот вызов в документе предусматривается увеличение количества развёрнутых в Форт-Грили (штат Аляска) стратегических противоракет класса *GBI* с 44 до 66 единиц к 2023 г. [9: XI].

ОСОБЕННОСТИ НОВОЙ ГОНКИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

Хотелось бы особо отметить цитированную выше фразу из Обзора-2018 о том, что, с точки зрения официального Вашингтона, причиной отказа американской стороны от диалога с Россией по вопросам разоружения являются действия последней в Крыму. В этой связи следует отметить, что даже в самые непростые периоды советско-американской холодной войны диалог между двумя «сверхдержавами» по контролю над ядерными вооружениями практически не прекращался, несмотря на различия подходов Москвы и Вашингтона по разным региональным проблемам: советская и американская правящие элиты слишком хорошо понимали всю важность этого диалога.

Другим предлогом для отказа от контактов между двумя нашими странами в разоруженческой сфере (и даже для выхода из советско-американского Договора по ракетам средней и меньшей дальности 1987 г.) стали для американских правящих кругов «нарушения» положений этого договора, которые якобы допустила российская сторона. Такие шаги американской стороны, как введение санкций против российских компаний с тем, чтобы принудить Россию к решению проблемы ДРСМД на американских условиях, стали совершенно беспрецедентными. Даже в худшие годы холодной войны, когда также возникали разногласия относительно тех или иных разоруженческих договорённостей (таких как Договор по ПРО, ОСВ-2, Договор 1974 г. об ограничении подземных испытаний ядерного оружия и др.), стороны стремились решить эти проблемы в формате диалога, а не санкций и диктата [Батюк В.И., 2019].

Складывается впечатление, что американская сторона просто не готова к равноправному диалогу с Москвой по проблемам разоружения. Американские «партнёры» исходят из того, что ситуация в этой сфере должна быть урегулиро-

вана исключительно на американских условиях, в режиме безоговорочной капитуляции Москвы.

В настоящее время не ведутся переговоры о дальнейших сокращениях вооружений ни в российско-американском, ни в многостороннем формате. Некоторые эксперты полагают, что демонтаж режима контроля над вооружениями в нынешних условиях неизбежен. Как полагают соавторы доклада «Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности», «главными задачами системы соглашений и режимов по ограничению и сокращению стратегических вооружений в прежнем военно-стратегическом контексте были предотвращение ядерной войны и ограничение гонки ядерных же вооружений, экономия ресурсов. В новом контексте эти задачи недостаточны – предотвращать необходимо не только ядерные, но любые войны между ядерными державами, и ограничивать надо гонку не только ядерных вооружений, но и неядерных стратегических вооружений. Решение же этих задач с помощью режимов ограничения и сокращения ядерных вооружений, предполагающих примерное равенство стратегических потенциалов сторон, видимо, невозможно. Более того, дальнейшие попытки решить эти задачи с помощью новых переговоров и соглашений по ограничению вооружений, скорее всего, дадут обратный эффект: новые режимы выработаны не будут, взаимная подозрительность усилится, а провал переговоров лишь усугубит враждебность и соперничество великих держав» [Караганов С.А., Суслов Д.В., 2019: 41].

В докладе утверждается, что «главное средство предотвращения преднамеренной войны (как ядерной, так и неядерной) между ядерными державами – ядерное сдерживание, которое предполагает сохранение гарантированной способности нанести агрессору неприемлемый ущерб в ответном ядерном ударе. Это, в свою очередь, требует сохранения зримого и мощного с военной и политической точки зрения ядерного арсенала. Его сокращение – как в одностороннем, так и в дву- и многосторонних форматах – в нынешней военно-стратегической обстановке, видимо, контрпродуктивно» [Караганов С.А., Суслов Д.В., 2019: 44].

А что же делать?

Важнейшим средством предотвращения непреднамеренной войны и ограничения гонки вооружений между ядерными державами в нынешней военно-стратегической обстановке и без соглашений об ограничении и сокращении вооружений представляется создание и/или укрепление:

- каналов связи и коммуникаций по военной линии, которые работали бы в постоянном режиме как механизм деэскалации в условиях кризиса и других чувствительных ситуациях (например, кибератаки, столкновения в воздухе и на море, военные учения с имитацией применения ядерного оружия и высокоточных неядерных вооружений, появление последних вблизи границ, изменение статуса боеготовности СЯС и так далее);

- постоянного диалога России и США по военной линии по вопросам стратегической стабильности в дополнение к диалогу на уровне МИД и Госдепартамента, снятие американских законодательных ограничений на проведение данного диалога;
- диалога между военными, аппаратами национальной безопасности и внешнеполитическими ведомствами, которые служили бы инструментом взаимного информирования в постоянном режиме о состоянии СЯС, других стратегических средств, о ядерных доктринах и целях военной политики в целом;
- российского и американского Национальных центров по уменьшению ядерной опасности в рамках Министерства обороны России и Министерства обороны США, укрепление диалога между ними;
- мер транспарентности и предсказуемости в военно-стратегической сфере в целом, которые могут включать в себя добровольное приглашение инспекций и наблюдателей со стороны других стран, проведение регулярных брифингов о тактико-технических характеристиках ядерных и стратегических неядерных вооружений, целях проведения военных учений, регулярные консультации и брифинги о ядерных доктринах и военных доктринах вообще. Некоторые меры транспарентности и предсказуемости можно заимствовать из российско-американских соглашений об ограничении вооружений. При этом режимы транспарентности должны касаться не только ядерного оружия, но и военной политики ядерных держав в целом, минимизируя тем самым шансы на военные столкновения между ними в результате ошибки или просчёта» [Караганов С.А., Сулов Д.В., 2019: 44–45].

С тем, что «традиционный» контроль над вооружениями фактически мёртв и реанимации не подлежит, согласны и некоторые другие эксперты. Так, по мнению директора Московского центра Карнеги Д. Тренина, в современных российско-американских отношениях «серьёзный негативный фактор – это свёртывание и вероятное скорое упразднение режима контроля над вооружениями. Пытаться сохранить это стабилизирующее наследие XX века – бесперспективное занятие. Как гораздо более мощная держава, США не заинтересованы в устаревших, по их мнению, ограничениях на системы вооружений. Вслед за Договором по ПРО и Соглашением по РСМД всё меньше шансов остаётся на продление Договора по СНВ-3. Под угрозой уже и меры доверия – такие как Договор по открытому небу» [10].

Правда, не все специалисты в области разоружения согласны с тем, что восстановление механизма контроля над вооружениями в принципе невозможно, и этот механизм должен быть заменён на что-то другое. Как считает крупнейший российский авторитет в разоруженческой сфере академик А.Г. Арбатов, «невозможно заменить предлагаемыми ныне расплывчатыми коллективными форумами общего диалога по стратегической стабильности, доверию и предсказуемости. Перед этим проектом ставится задача не ограничения вооружений, а

предотвращения любых конфликтов и их эскалации. Однако без договоров по конкретным силам, видам и типам оружия, а также по режимам верификации такие переговоры обернутся пустым словоприемом».

«Нынешнюю систему контроля над вооружениями не заменить никаким дипломатическим суррогатом, – полагает А.Г. Арбатов. – Если её не удастся сохранить и углубить, то новому поколению лидеров и политических элит ведущих держав, как их предшественникам в годы прошлой холодной войны, придётся в полной мере испытать на собственном опыте все издержки и опасности неограниченной гонки вооружений. И в конечном счёте они всё равно будут вынуждены вернуться к политике их материального ограничения и сокращения» [11].

Возможно, А.Г. Арбатов прав – и механизм контроля над вооружениями будет восстановлен. Однако в настоящее время можно констатировать глубокий кризис этого механизма, свидетельством чему стал выход США из советско-американского Договора по ракетам средней и меньшей дальности 1987 г. (ДРСМД).

Этот шаг американской стороны может открыть новое (и крайне опасное!) направление гонки ядерных вооружений, чреватое самыми непредсказуемыми последствиями. После выхода из ДРСМД США смогут на законном основании разместить баллистические ракеты средней дальности в непосредственной близости от российской территории – в Польше и странах Прибалтики, откуда эти ракеты, разрабатываемые в настоящее время в Соединённых Штатах, будут обладать подлётным временем, исчисляемым минутами (а в случае Санкт-Петербурга, второй столицы России, – секундами). Американская сторона сможет развернуть свои баллистические ракеты средней дальности, способные достичь российской территории, и в Азиатско-Тихоокеанском регионе – на территории Южной Кореи и Японии.

И дело даже не только в том, что России придётся тратить немалые средства на повышение живучести ядерных сил и совершенствование системы их боевого управления. Последствия американского нападения с применением ракет средней дальности для российского потенциала ответного удара могут быть крайне тяжёлыми. Так, в случае развёртывания в Европе баллистических ракет средней дальности у американцев появится возможность нанести удар по развёрнутым в европейской части России МБР, а оставшиеся будут перехвачены на траектории их полёта с помощью систем ПРО США. В этом случае у российской стороны не останется иного выхода, кроме как отказаться от доктрины ответно-встречного удара и перейти к доктрине упреждающего удара [Есин В.И., 2019].

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время возобновление гонки вооружений совпало с крахом системы контроля над вооружениями. Более того, отсутствуют политические предпосылки для возобновления диалога по разоруженческим проблемам. Слабость постбиполярной России воспри-

нималась Западом как естественное следствие его победы в холодной войне, и попытки РФ укрепить свои позиции в мире (в том числе и военные) в последние годы воспринимаются западными элитами как недопустимый реваншизм, которому следует дать решительный отпор [12]. Эта ситуация серьёзно отличается от так называемой первой холодной войны, когда механизм контроля над вооружениями был важнейшим компонентом политики двух ядерных «сверхдержав».

Разумеется, имеются и иные отличия между той гонкой вооружений, которая была при первой холодной войне от того, что мы видим в настоящее время. Биполярного мира больше нет – и это обстоятельство не может не сказываться на ядерной стратегии великих держав.

Так, в последние годы Китай добился серьёзных успехов в количественном росте и качественном совершенствовании своих ракетных систем меньшей и средней дальности. И если в момент подписания советско-американского Договора по РСМД Москва и Вашингтон могли себе позволить не принимать во внимание ракетный потенциал КНР, то сейчас обстоятельства изменились самым радикальным образом. В настоящее время общее количество ракетных систем (баллистических и крылатых) промежуточной и средней дальности на вооружении Народно-освободительной армии Китая (НОАК) составляет, по американским оценкам, до 1000 единиц [13: 47]. При этом в последние годы китайцы сумели добиться существенного повышения точности этих ракет, а также успехов в разработке гиперзвукового оружия [13: 44-45].

Новейшие китайские ракетные системы способны поразить объекты на территории союзников США в АТР – Японии, Южной Корее, Тайване, Филиппин, Австралии, а также американские военные базы в регионе – от Окинавы до Гуама. И именно угроза со стороны ракетных систем НОАК стала главной причиной выхода США из Договора по РСМД [14].

Кроме того, в условиях радикального сокращения стратегических наступательных вооружений (СНВ) (см. выше) и столь же быстрого количественного роста и качественного совершенствования высокоточного обычного оружия (ВТО), в том числе и большой дальности, стратегическое равновесие между Москвой и Вашингтоном, как оно сложилось ещё в годы холодной войны, неизбежно должно было подвергнуться эрозии. В частности, особое беспокойство в Москве вызывают такие американские программы, как система ударных космических вооружений *Prompt Global Strike*, стратегическая ПРО типа *GBI*, противоракетная система для перехвата ракет средней дальности типа *SM-3*. Американская сторона, в свою очередь, выражает озабоченность по поводу российских и китайских успехов в разработке и создании гиперзвуковых ракет.

«Помимо разрушения механизмов контроля над существующими вооружениями военный баланс ещё больше нарушают новые технологии, – полагают профессор Массачусетского технологического института Э. Мониц и экс-сенатор С. Нанн. – Кибератаки могут привести к сбоям в системе раннего опо-

вещения или структурах командования и управления ядерными силами, что увеличивает риск ложной тревоги. Силы мгновенного удара располагают системами доставки с обычными и ядерными боеголовками, включая гиперзвуковые планирующие блоки и крылатые ракеты, способные лететь с большой скоростью, на малой высоте и маневрировать, чтобы избежать перехвата. В случае развертывания эти системы уменьшают время предупреждения и принятия решений страной, оказавшейся под ударом. Военные стратеги с обеих сторон всё больше опасаются, что потенциальный первый удар обеспечит атакующему решающее преимущество. Есть ещё милитаризация дальнего космоса – сфера, не регулируемая соглашениями. Китай, Россия, а в последнее время и Индия, наращивают противоспутниковые возможности, Вашингтон обдумывает создание специального космического подразделения». И вывод: «Грозная смесь рушащегося контроля над вооружениями и передовых военных технологий становится опаснее из-за отсутствия диалога между Россией и Западом, в частности между гражданскими и военными специалистами министерств обороны и иностранных дел» [1].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы видим серьёзные различия между «первой» и «второй» гонками ядерных вооружений. Вот как выглядели характерные признаки гонки стратегических ядерных вооружений в годы холодной войны (1945–1989 гг.):

1. Нарастивая и совершенствуя свой ядерный потенциал, ядерные державы в то же время отдают себе отчёт в опасности ядерной войны и рассматривают её предотвращение в качестве одного из основных своих внешнеполитических приоритетов.

2. Угроза первого ядерного удара в результате ошибки или просчёта оказывает, ввиду чудовищной разрушительной мощи ядерного оружия, постоянное и сильнейшее воздействие на решения, принимаемые ядерными державами в области внешней и военной политики.

3. Нарастивание ядерными державами их стратегического потенциала не приводит к ожидаемому ими политическому выигрышу.

4. Новое соотношение между наступлением и обороной, созданное ядерным оружием, приводит к тому, что попытки ядерных держав создать оборонительные системы против ядерного оружия приводят не к стабилизации военно-политической ситуации, а к дальнейшей эскалации гонки вооружений.

5. Гонка ядерных вооружений, в том числе и её «горизонтальная» и «вертикальная» эскалация, в целом носит символический характер: создавая видимость готовности в любой момент применить ядерное оружие на различных уровнях ядерного конфликта, ядерные державы стремятся добиться символических военно-политических преимуществ.

6. Переговоры великих держав об ограничении ядерных вооружений являются неотъемлемой частью механизма гонки ядерных вооружений, служа своего рода тормозом, препятствующим выходу этой гонки из-под контроля [Батюк В.И., 2012: 12–13].

Очевидно, что сейчас явно нарушена некогда нерушимая связь между стратегическими наступательными и стратегическими оборонительными вооружениями; переговоры об ограничении ядерных вооружений не являются более непременным атрибутом гонки вооружений. Есть основания полагать, что некогда существовавший священный ужас перед ядерным конфликтом существенно ослаб. Все эти перемены представляются крайне дестабилизирующими и опасными.

ИСТОЧНИКИ

1. Мониц Э., Нанн С. Новая гонка ядерных вооружений: как Вашингтон и Москва могут её остановить. *Россия в глобальной политике*. 28.08.2019. Available at: <https://globalaffairs.ru/number/Vozvraschenie-Sudnogo-dnya-20173> (accessed 01.12.2019).

2. Дворкин В.З. Чем грозит американская ПРО? *Россия в глобальной политике*. Март – Апрель 2007 г. № 2. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/25/7291.html> (accessed 01.12.2019).

3. Nuclear Posture Review. Department of Defense. December 2001. Available at: <https://assets.documentcloud.org/documents/3109636/2001-Nuclear-Posture-Review.pdf> (accessed 01.12.2019).

4. The Bush Administration's Views on the Future of Nuclear Weapons. Interview with NNSA Administrator Linton Brooks. *Arms Control Today*. January/February 2004. Available at: <https://www.armscontrol.org/act/2003-12/features/bush-administrations-views-future-nuclear-weapons-interview-nnsa-administrator> (accessed 01.12.2019).

5. Senators Carl Levin and Jack Reed. Toward a More Responsible Nuclear Nonproliferation Strategy. *Arms Control Today*. January/February 2004. Available at: https://www.armscontrol.org/act/2004_01-02/LevinReed (accessed 01.12.2019).

6. Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed 01.12.2019).

7. Nuclear Posture Review Report. April 2010. Available at: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf (accessed 01.12.2019).

8. Nuclear Posture Review. February 2018. Available at: [https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018](https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-Nuclear-Posture-Review-Report.pdf) (accessed 01.12.2019).

9. Missile Defense Review. 2019. P. II. Available at: [https://www.defense.gov/Portals/1/Interactive/2018/11-2019-Missile-](https://www.defense.gov/Portals/1/Interactive/2018/11-2019-Missile-Defense-Review-Report.pdf)

Defense-Review/The%202019%20MDR_Executive%20Summary.pdf (accessed 01.12.2019).

10. Тренин Д.В. От гибридной войны к взаимному отстранению. Как изменятся отношения России и США за 20 лет / Московский центр Карнеги. 08.11.2019. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/80293> (accessed 01.12.2019).

11. Арбатов А.Г. Многостороннее разоружение потребует жертв. *Независимая газета*. 12.08.2019. Available at: http://www.ng.ru/ideas/2019-08-12/7_7647_control.html (accessed 01.12.2019).

12. Вебер Ю., Крикович А. Измотать и пересидеть. Истоки американского поведения в отношении России. *Россия в глобальной политике*. 2016. №2. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Izmotat-i-peresidet-18030> (accessed 01.12.2019).

13. Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2019. Office of the Secretary of Defense.

14. Birnbaum M. and Hudson J. Trump Administration Gives Russia an Ultimatum on Cold War-era Arms Treaty. *The Washington Post*. December 4, 2018. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/trump-administration-gives-russia-60-days-to-comply-with-inf-treaty-or-the-us-will-move-to-withdraw/2018/12/04/64c5bec2-f74a-11e8-8642-c9718a256cbd_story.html?utm_term=.ef4eb575e675 (accessed 01.12.2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арбатов А.Г. 2018. Трансформация ядерного сдерживания / Безопасность и контроль над вооружениями 2017–2018: Преодоление разбалансировки международной стабильности. Москва: ИМЭМО РАН; Политическая энциклопедия. С. 17–31.

Батюк В.И. 2012. Загнать джинна в бутылку. История переговоров между Москвой и Вашингтоном по ограничению и сокращению стратегических наступательных вооружений. Saarbrücken, Germany, Parnarius Academic Publishing. 674 с.

Батюк В.И. 2019. Крах Договора о РСМД: что дальше? *Россия и Америка в XXI веке* [электронный журнал]. Спецвыпуск. 05.06.2019. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760005250-2-1/> DOI 10/18254/S207054760005250-2 (accessed 01.12.2019).

Десять лет без Договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях / С.М. Рогов, С.Н. Бабич, В.И. Есин и др. Москва: Спецкнига, 2012. 78 с.

Есин В.И. 2019. Возможные последствия прекращения действия Договора о РСМД // *Россия и Америка в XXI веке*. Электронный журнал. Спецвыпуск. 05.06.2019. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760005316-4-1/> DOI 10.18254/S207054760005316-4 (accessed 01.12.2019).

Караганов С.А., Суслов Д.В. 2019. Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности. Москва: Высшая школа экономики. 55 с.

Колтунов В.С. 2012. Переговоры об ограничении систем ПРО в контексте взаимного сдерживания / Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Московский центр Карнеги. Москва: РОССПЭН. С. 66–82.

Литовкин В.Н. 2012. Новейший этап диалога о противоракетном сотрудничестве / Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Московский центр Карнеги. Москва: РОССПЭН. С. 160–170.

Хряпин А.Л., Сосновский М.Е. 2019. Ядерная политика США и стратегическая стабильностью. *Проблемы национальной стратегии*. № 2. С. 113–125.

REFERENCES

Arbatov A.G. 2018. Transformatsiya yadernogo sderzhivaniya [Transformation of Nuclear Deterrence / Security and Arms Control 2017-2018: Overcoming the Imbalance of International Stability.] Moscow: IMEMO RAN; Political Encyclopedia. P. 17–31.

Batyuk V.I. 2012. Zagnat' dzhinna v butylku. Istoriya peregovorov mezhdu Moskvoy i Vashingtonom po ogranicheniyu i sokrashcheniyu strategicheskikh nastupatel'nykh vooruzheniy [Put the Genie Back to the Bottle. History of Negotiations between Moscow and Washington on Limitation and Reduction of Strategic Offensive Arms]. Saarbrücken, Germany, Parnassus Academic Publishing. 674 p.

Karaganov S.A., Suslov D.V. 2019. Novoye ponimaniye i puti ukrepleniya mnogostoronney strategicheskoy stabil'nosti [New Understanding and Ways of Strengthening of Multilateral Strategic Stability]. Moscow: Higher School of Economics. 55 p.

Khryapin A.L., Sosnovskiy M.E. 2019. The U.S. Nuclear Policy and Strategic Stability. *RISS Journal*. No.2. P. 113-125.

Koltunov V.S. 2012. Peregovory ob ogranichenii system PRO v kontekste vzaimnogo sderzhivaniya [Negotiations on Limiting ABM Systems in the Context of Mutual Deterrence / Missile Defense: Confrontation or Cooperation? / Ed. by A. Arbatov and V. Dvorkin]. Moscow Carnegie Center. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2012.

Litovkin V.N. 2012. Noveyshiyy etap dialoga o protivoraketnom sotrudnichestve [The Latest Stage of the Dialogue on the Anti-Missile Cooperation] / Protivoraketnaya oborona: protivostoyaniye ili sotrudnichestvo? [Missile Defense: Confrontation or Cooperation? / Ed. by A. Arbatov and V. Dvorkin]. Moscow Carnegie Center. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2012.

Desyat' let bez Dogovora po PRO. Problema protivoraketnoy oborony v rossiysko-amerikanskikh otnosheniyakh [Ten Years without a Missile Defense Treaty. The Problem of Missile Defense in Russian-American Relations / S. Rogov, S. Babich, V. Esin, et al.] Moscow: Spetskniga, 2012. 78 p.

Wolfsthal J., Lewis J., Quint M. Trillion Dollar Nuclear Triad: US Strategic Modernization over the next Thirty Years. James Martin Center for Nonproliferation Studies, The Monterey Institute of International Studies. January 2014. 29 p.

Информация об авторе / Information about the Author

БАТЮК Владимир Игоревич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д.2/3;

профессор Высшей школы экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Российская Федерация, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17.

Vladimir I. BAYUK, Doctor of Science in History, Senior Research Fellow, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3, Khlebny pereulok, Moscow 121069, Russian Federation;

Professor, National Research University – Higher School of Economics. 17/1, Malaya Ordynka St., Moscow, 119017, Russian Federation.